

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Византийский Сборник

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Проф. М. В. ЛЕВЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Е. А. КОСМИНСКИЙ

М. А. ШАНГИН

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X в.

По новым, неопубликованным рукописным данным определеннее выясняется политическая деятельность многих лиц в Византии в X в. и прежде всего Арефы, архиепископа кесарийского, магистра Льва Хирсофакта и Анастасия-квестора.

Новые данные извлекаются из знаменитой рукописи б. Московской синодальной библиотеки (теперь рукопись Исторического музея) № 315.¹ Это — кодекс XVI в., размером 21.5 × 16 см, объемом в 443 листа. На листе 3-м имеется пометка владельца: „ὁ Ἱεροσόλυμων Δοσίθεος ἐν Κωνσταντινουπόλει 1674“. Рукопись представляет сборник, первая часть которого содержит неизданные в своей значительной части и сохранные только этой рукописью сочинения, преимущественно письма, византийского писателя Арефы. Оценка культурного значения Арефы, а вместе и неизданных материалов из московской рукописи дана в „Истории Византии“ А. Васильева, напечатанной в 1932 г. „Другой замечательной фигурой македонского периода был Арефа, архиепископ кесарийский первой половины X в. Его широкая образованность, его глубокий интерес к литературе обнаруживаются в его собственных произведениях. Его греческий комментарий к Апокалипсису, его схолии к Платону, Лукрану и Евсевию, наконец, его драгоценные письма, сохранные в Московской рукописи и еще неизданные, показывают, какое выдающееся место занимает кесарийский Арефа в культурном движении X века“.²

Рукопись Арефы, хранящаяся в Москве, давно уже вошла в поле внимания ученых. Jülicher напечатал о ней реферат в 1889 г. в „Göttinger Gelehrter Anzeiger“, причем выражал надежду, что новые памятники по этой рукописи будут изданы С. de Voog; несколько текстов из этой рукописи опубликованы Rabe (два сочинения против Лукиана), Fr. Cumont (сочинение против Юлиана), Сонни (письмо, касающееся распространения Арефой труда Марка Аврелия), С. П. Шестаковым (два письма о болгарских отношениях). В последнее время собирался работать по Московской рукописи И. И. Соколов. Как бы там ни было, большая часть материалов московской рукописи до сих пор не опубликована.

Сочинения Арефы в московской рукописи следующие:

- Ф. 16. Περὶ τῆς συστάσεως καὶ τῆς αὐτῆς ἀναχωρήσεως.
- Ф. 31. Ἀπολογία περὶ τῶν αὐτῶν τοῖς ἐπισκόποις.
- Ф. 42. Πρὸς τὴν ὑπὸ τῶν Ἀρμενίων γραφεῖσαν ἐπιστολήν.

¹ См. приложение.

² А. Васильев. Histoire de l'empire Byzantin I. Paris, 1932, p. 480.

- F. 52. Νικολάφ ἀσκήρητις (sic.) τῷ τοῦ Γαβριήλ πρὸς εἰκονομάχους.
- F. 54. Ἐπιτάφιος εἰς Εὐθύμιον τὸν ἀγιώτατον πατριάρχην Κωνσταντινοπόλεως. —
 У Migne в Р. G. CVI напечатан латинский перевод этого произведения.
- F. 58. Πρὸς τοὺς ἀπὸ τῆς πολιτείας συναιρουμένους ἀναθηματι καθυποβάλλειν πολυγαμίαν.
- F. 62. Πρὸς τὸν οὐκ εἰκότως τὸ ἀπειθὲς ἐπιμεμφόμενον.
- F. 63^v. Πρὸς τοὺς συκοφαντοῦντας ἡμᾶς πολυγαμίαν κηρύσσειν.
- F. 64. Πρὸς τοὺς ἐπισκώψαντας τὸ παλίμβολον.
- F. 65. Πρὸς τὸν ἀντιγράφειν ἀποδραసుόμενον.
- F. 65. Ἀντιρρητικὸν πρὸς τὸν καθηγμένον τῶν ἀπὸ τῆς θείας γραφῆς πειρωμένων τοὺς σόφρονας ἀδετεῖν γάμους.
- F. 81. Θωμᾶ πατρικίῳ.
- F. 83. Ἀρέθα ἀρχιεπισκόπῳ Θωμᾶς πατρίκιος.
- F. 83^v. Πρὸς τοὺς εἰς ἀσάφειαν ἡμᾶς ἐπισκώψαντας. ЭТОТ ТЕКСТ ИЗДАЛ ПО ДРУГОЙ РУКОПИСИ ΚΟΥΓΕΑΣ В СОЧННЕНИИ Ὁ ΚΑΙΣΑΡΕΙΑΣ ἈΡΕΘΑΣ, Ath. 1913 г.
- F. 85^v. Πλωτίνῳ τὴν πολυγαμίαν οἱ πατέρες ἀπεσιώπησαν.
- F. 86^v. Περὶ τοῦ αὐτοῦ.
- F. 86^v. Πρὸς τοὺς φιλοσκώμμονας ἡμᾶς οἰομένους.
- F. 87. Χοιροσφάκτης ἢ μισογόης.
- F. 91. Κοσμᾶ μαγίστρῳ παραμυθητικὸν ἐπὶ γαμβρῷ τεθνηκότι.
- F. 92. Στεφάνῳ ἐπὶ τοῦ κανικλίου παραμυθητικὸν ἐπὶ τελευτῇ μητρὸς.
- F. 93. Ἰουλιανοῦ ἐκ τῶν κατὰ τῶν θείων εὐαγγελίων τοῦ Χριστοῦ λήρων καὶ τούτων ἀνατροπῇ Ἀρέθα ἀρχιεπισκόπου. Текст издан F. Cumont в „Mém. Acad. Roy. de Belgique“ (т. 57, Bruxelles, 1899, p. 130 sqq.).
- F. 94^v. Ἀπολογητικὸς.
- F. 96^v. Πρὸς τὸν ἐν Δαμασκῷ ἀμνηρᾶν προτροπῇ Ῥωμανοῦ βασιλέως. Неудовлетворительный перевод сделан Н. Поповым в приложении к книге „Лев Мудрый“, М., 1892.
- F. 100^v. Πρὸς τοὺς βουλομένους ἀνατρέπειν τὰ παρ' ἡμῶν συνοδικῶς ὠρισμένα περὶ τῶν καταθέσεων τῶν ἱερῶν θρόνων.
- F. 102. Στεφάνῳ πατριάρχῃ τῷ εὐνούχῳ.
- F. 103^v. Λέοντι βασιλεῖ ἐρωτήσαντι τίνας καὶ ποίους ἢ τοῦ θεοῦ ἐκκλησία πρόσφυγας ἐξαιρεῖται τῶν ἡμαρτημένων αὐτοῖς καὶ τίνας οὐκ ἐξαιδωύσεται.
- F. 104. Κοσμᾶ μαγίστρῳ περὶ τῶν αὐτῶν.
- F. 105^v. Ῥωμανῷ βασιλεῖ. Текст издан С. П. Шестаковым в „Byzantino-Slavica“ (I, 1929, p. 161).
- F. 105^v. Νικήτα σχολαστικῷ.
- F. 107. Τοῖς ἀπειθέσιν ἐκ παρακοπῆς Ἰουδαίαις ἐν διχλέξεως τύπῳ.
- F. 109^v. Θεοφίλῳ κοιχίστῳ.
- F. 110^v. Γρηγορίῳ μητροπολίτῃ Ἐφέσου. Текст издан С. П. Шестаковым в „Byzantino-Slavica“ (I, 1929, pp. 161—163).
- F. 112. Γρηγορίῳ Ἐφέσου.
- F. 113. Στεφάνῳ Ἐφέσου.
- F. 113. Τῷ αὐτῷ.
- F. 113. Στεφάνῳ τῷ ἐπὶ τοῦ κανικλίου.
- F. 113^v. Εὐσταθίῳ τῷ Σίδης ἀρχιερεῖ.
- F. 114. Πέτρῳ Σάρδεων μητροπολίτῃ βλασφῆμως πρὸς ἡμᾶς διατιθέντι.
- F. 115. Λέοντι βασιλεῖ.
- F. 115. Δημητρίῳ μητροπολίτῃ Ἡρακλείας. Текст издан Sonny в „Philologus“ (т. 54, p. 181 sqq.).
- F. 115. Νικήτα Σχολαστικῷ.
- F. 117. Τῷ αὐτῷ περὶ τῶν αὐτῶν.
- F. 118. Ἰωάννῃ τῷ ἀδελφόπαιδι Ὁμέστου τοῦ δομεστίκου τῶν νομῶν.

F. 118^v. Τῷ αὐτῷ

F. 119. Νικηφόρῳ μοναχῷ οἰκείῳ Νικολάου πατριάρχου.

F. 119. Στεφάνῳ ὑπογραφεὶ βασιλέως τῶν ἀπορρήτων.

F. 121. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν ὑπὸ δυσσεβοῦς Λουκιανοῦ λήρημα ὡς φθονερὸν ὅτι τὸ θεῖον. Текст издал Rabe в „Nachrichten d. Königl. Gesellschaft d. Wiss. zu Göttingen (Phil.-Hist. Klasse, 1903, 644, 646).

F. 122. Πρὸς τὸν αὐτὸν περὶ ἐτέρων ληρημάτων. Текст издал Rabe в тех же „Nachrichten“.

F. 122^v. Ἀρέδα ἀρχιεπισκόπου Καισαρείας Καππαδοκίας πρὸς Νικήταν.

Итак, несмотря на то, что рукопись была в поле внимания специалистов, она почти вся еще не затронута исследованиями; между тем интерес к Арефе в ученой литературе весьма велик. В 1913 г. Κουγέας написал о нем монографию и издал несколько мелких его сочинений. Комментарий Арефы к апологетам издали Harnack в „Texte u. Untersuchungen“ (I, 3, pp. 154—196) и Schwarz в „Texte u. Untersuchungen“ (IV, 1, pp. 44—47). Еще до этих публикаций в 106-м томе „Патрологии“ Migne были напечатаны комментарии Арефы на Апокалипсис и латинские переводы с сирийского языка: „Эпитафия патриарху Евфимию“ и „Энкомии эдесским мученикам“. Но известными нам как опубликованными, так и неопубликованными сочинениями Арефы не исчерпывалась деятельность этого писателя. Сам Арефа¹ упоминал современникам о своих „многочисленных книгах: энкомиях мученикам, восхвалениях святых, толкованиях на Библию и многих других трудах“ (в словах „многие другие труды“ он разумел, очевидно, сочинения о древних писателях). Несомненно, некоторые до сих пор анонимные произведения византийской литературы принадлежат Арефе, и здесь исследователя ждут еще важные открытия. Нам удалось, напр., доказать, что анонимное сочинение „Слово о мире с болгарями 927 г.“, изданное акад. Ф. И. Успенским в „Летописи Историко-филологического общества при Новороссийском университете“ (IV, Византийский отдел, II, Одесса, 1894, 48—123), принадлежит именно Арефе.²

Неизданные материалы московской рукописи (№ 315), сообщая нам новые важные сведения из истории политического и культурного состояния Византии X в., характеризуя Арефу и его друзей и врагов, дают нам возможность с точностью установить и год рождения этого писателя. В апологетике, связанном с событиями 934 г., Арефа говорит о своем 73-летнем возрасте, стало быть, он родился в 861 г.

Деятельность трех персонажей — Арефы, Хирсофакта и Анастасия — выступает на фоне политического положения вещей в годы царствования Льва VI, этого бездарного, но самоуверенного правителя, незаслуженно перешедшего в историю с прозвищем „философа“ и „Мудрого“, своей близорукой политикой поставившего под серьезную угрозу внешние успехи основателя македонской династии. Никита Пафлагонский говорил: „теперь нет острова, нет города, нет такой страны, где неприятели не производили бы опустошений“. Следствием было печальное финансовое положение империи, разорение народа и усиление налогового гнета. Творились разного рода несправедливости. О них открыто

¹ Cod. 315, f. 87.

² Историк-марксист, № 3, 1939, 177.

говорили современники; так, напр., патриарх Евфимий объявил, что „он не может войти в столицу по причине множества допускаемых там неправд“. Император, интересуясь больше своими личными делами, чем государством, проявлял произвол и в гражданском правлении и в делах церкви. Лев окончательно уничтожил прежнее значение сената и отменил муниципальное устройство в городах, закрепив тем полное торжество бюрократического строя. Император жестоко преследовал своих противников и конфисковал их имущество. Произвол императора в церковных делах достигал предела: смещение патриархов Николая Мистика и Евфимия, возведение при начале правления на патриарший престол своего брата Стефана, наконец неканонический четвертый брак 906 г. на Зое Карбонопсине, — все это сопровождалось волнениями и неурядицами. Император окружал себя нечестными и способными на всякие подлости лицами, среди которых с этой стороны выделялись первые сановники империи Заутца и Самоиа. В частности для того чтобы распорядиться делами церкви с полным произволом, император водворил на высшие духовные посты людей светских, которые часто были его товарищами детства по школе Фотия. Эти лица смотрели на свое положение с точки зрения своих личных выгод и легко переходили из одного лагеря в другой. Таким образом было достигнуто расслоение в высшем духовенстве. Одним из таких ставленников был второй при патриархе иерарх православной церкви, архиепископ кесарийский Арефа. Образ действий Льва не мог не вызывать общего недовольства. Современники рассказывали, между прочим, о покушении на жизнь императора. С особой силой недовольство должно было проявиться и на деле сказалось в связи с четвертым неканоническим браком Льва. В политической борьбе принимали участие как церковные, так и светские деятели. Причем двое из интересующих нас лиц — Анастасий-квестор и Лев Хирсофакт принадлежали к группировке противников четвертого брака; к группировке горячих сторонников этого брака, но не прежде, чем определилась сильнейшая сторона, примкнул Арефа. В разгоревшейся склоке он принимал самое видное участие.

В списке византийских поэтов числится гимнограф Анастасий. Два поэтических произведения этого Анастасия — канон и гимн — опубликовал Питра в „*Juris ecclesiastici historia et monumenta*“, 2 (Romae, 1868, 280—287). Крумбахер вместе с Питрой предположительно определяли время его деятельности VII в. В 1900 г. в „Византийском временнике“ Пападопуло-Керамевс издал найденные им новые гимны Анастасия. При этом Керамевс отождествлял этого Анастасия с тем Анастасием-квестором начала X в., от которого сохранилось письмо к Льву Хирсофакту, опубликованное Саккелионом среди переписки Льва Хирсофакта в *Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας*, I (1884, p. 410). Эта догадка блистательно подтверждается текстом одного письма Арефы и комментарием к нему. Поставить знак равенства между Анастасием-гимнографом и Анастасием-квестором стало возможным только теперь, когда обнаружилось, что Анастасий-квестор, действительно, был поэтом. Мы имеем в виду письмо (Cod. 315, f. 118) Арефы, в котором он, касаясь своей излюбленной темы о своих обвинителях *φιλαίτιοι* и *μεμφίμοιροι* и заявив, что оправдываться ему все равно, что *τὸ ἀνάιτιον αἰτιάζειν*, продолжает: „Что может для своего собственного оправдания представить тот, кто сам [речь идет об обвинителе] потешается над

собой своим трофеем глупости". Арефа имеет в виду стихи какого-то ямбографа, и выдевается над неумелым выражением мысли в этих стихах. Способ оправданий характерен для Арефы, который вместо опровержения клеветы, бьет своего противника при помощи *argumentum ad homines*; неясный для нас нарек на какого-то ямбографа, одного из числа врагов Арефы, объясняется комментарием на поле рукописи: „Он [Арефа] смеется над эпиграммой в ипподроме, начертанной под изображением квадриги над местом епарха и принадлежащей Анастасию, который тогда был квестором. Эта эпиграмма включает плохо выраженную мысль и забавно высказана от лица Александра Македонского. Он [Анастасий] выставлен в ней трофеем глупости“.

Отсюда следуют выводы.

1. Анастасий-квестор X в. был тем самым гимнографом, которого издавали Питра и Пападопуло-Керамевс, именно им было написано письмо к Льву Хиросфакту, опубликованное Саккелионом.

2. Он был не только духовным писателем — гимнографом, но светским — ямбографом, в частности ему, как ямбографу, принадлежала эпиграмма в ипподроме, содержание которой нам теперь известно. У нас, таким образом, оказывается еще один претендент на авторство анонимной светской поэзии X в.

3. Анастасий принадлежал к политической группировке Льва Хиросфакта в борьбе вокруг четвертого брака Льва VI. Об этом речь ниже. Этот круг противников и четвертого брака и своих личных врагов Арефа отмечает в том же письме словами: *ἐπὶ λύσσει κενῆς δόξης ἐπιτηδεύοντες πρᾶγμα*.

4. Этим письмом Арефы частично приподнимается завеса, скрывавшая тех, кто *potinatum* были врагами Арефы, а равно и характеризуется способ борьбы с ними Арефы.

Через Анастасия-квестора мы сообщаемся с тем политическим кругом противников Арефы, в котором наиболее видное место занимал Лев Хиросфакт. Против Льва Хиросфакта Арефа написал сочинение под именем *Χιροσφάκτου ἢ μισογόρου*, дошедшее до нас в Московской рукописи 315, ff. 87—91. О личности Хиросфакта собрал сведения С. de Boor в комментариях к его „*Vita Euthymii*“ (р. 189 сл.). Хиросфакт, магистр и патрикий, родился около 840 г. и при дворе Василия I был мистиком.¹ Через свой брак он находился в двойном родстве с императором (*γένος εἰς τὴν συζύγου τῆς σῆς... ἢ δ' ἐμ. ἢ σύζυγος τῶν σοὶ προσηκόντων αἵμα τὸ ἐγγύτατον*), он трижды выполнял посольство к болгарскому царю Симеону. В первом посольстве 893 г., по его собственным словам, он добился освобождения 120 тысяч пленных и заключения мира; во втором посольстве, год которого не установлен, — получения в дар Византии 30 крепостей в области Дирахия; в третьем посольстве он убедил болгар отказаться от Фессалоники, завоеванной ими. Несколько позднее Хиросфакт был послан на Восток в Багдад для освобождения пленных и заключения мира. Наконец, он был отправлен к восточным патриархам для сопровождения их представителей на собор, созванный в Константинополе в феврале 907 г. по вопросу о четвертом браке Льва VI. Вскоре после этого он впал в немилость императора и был сослан в Петру. Из ссылки Хиросфакт не раз обращался к императору и просил о помиловании: в одном из писем он перечисляет свои заслуги в посольствах, в другом говорит о клеветниках, особенно выделяя какого-то евнуха, участника

¹ См. Leo Choerosphactès, *magistre, proconsul et patrice. Biographie. Correspondance par J. Kolias* (= *Texte u. Untersuchungen zur byz.-neugr. Philologie*, 31), Athen, 1939.

посольства к арабам, и своих старых и новых врагов, которые представляли, видимо, целую группу. Сущность клеветы не ясна, и причина жестокости императора до сих пор оставалась загадочной. Хирсофакт говорил только то, что они его достоинства обманом себе приписали, а свои злодеяния и свою клевету коварно бросили ему в лицо. Заключительным актом истории Хирсофакта было участие его в восстании Константина Дуки в начале правления Константина Багрянородного и, как следствие этого участия, заключение Хирсофакта в Студийский монастырь. Причина гнева императора на Хирсофакта находит объяснение путем комментирования сочинения Арефы *Χιρσοφάκτης*. Прежде всего Арефа, несомненно, говорит о магистре Льве Хирсофакте. Враг Арефы — высокое придворное лицо, он участник синклита в церемониях в Великую Субботу: *συγκλήτῳ συγῆει βουλή*. Арефа возмущается, что Хирсофакт (тосούτος λοιμός) еще не удален из синклита и не лишен жизни: *Τί γάρ; οὐ τοςούτον λοιμόν ἐξελόντες ἐκ συνεδρίου μὴ διὰ τέλους ἠράμισαν, ἀλλὰ τῷ βίῳ κατέλιπον*; Хирсофакт ответил благодарностью императору за царские милости: *τῷ μὴδὲ τῶν βασιλικῶν δώρων τὰς χεῖρας ἀγνεύσαντι*. Но особенно важно то место, в котором Арефа говорит об упомянутых уже посольствах Хирсофакта: „не удастся коварному охота: хотя я много навредил в посольствах к болгарам, в посольствах к сарацинам, потом он был уличен на вероломном посольстве, и наконец тебя распознали и ты потерпел крушение в своих планах (*ἀλλὰ γὰρ σύνες, οὐκ ἐπιτεύξεται δόλιος θήρας, ἐπεὶ τοὶ κάκεινοις ἐπηρεάσας· πρεσβείαις Βουλγάρων, πρεσβείαις Σαρακηνῶν, εἶτα παραπρεσβείαις ἀλούς... τελευτῶν δὲ κατεγνωσμένος καὶ ἃ εἶχες ἀγώγιμα γενναυάχηκας*)“ (Между прочим, этим местом воспользовался Н. Попов в своей книге „Лев Мудрый“, стр. 139, до неузнаваемости исказив его.)

Отсюда следует, что Хирсофакт Арефы, несомненно, магистр Лев Хирсофакт. Причина немилости императора и гнева Арефы вскрыта при помощи сочинения *Χιρσοφάκτης*. Хирсофакт был противником четвертого брака, как это ясно из того места сочинения, где Арефа предупреждает Хирсофакта в том, что он замыслил гибельное и опасное плавание и объясняет эту метафору таким образом: *εἰρηται μὲν ὡς ταῖς κρατούσιν μέμψιν ὑφάινων καὶ τούτους εἰς ἀσυνουσίαν τε καὶ ἀναισθησίαν τῶν περὶ αὐτοὺς ἀρχόντων ὅσα γε πρὸς ἐκλογὴν ἀποσκόπτων ταύτην προσάγεις*. В этом ключ к пониманию сочинения *Χιρσοφάκτης*, которым Арефа хотел потопить Льва Хирсофакта. Для этой цели были привлечены все средства, видимо, клеветнические. Сверх глухого упоминания о *παραπρεσβεία*, Арефа характеризует Хирсофакта так: Хирсофакт не христианин, а эллин и язычник, он оставил христианское учение и стал последователем эллинов, он увлекается Платоном, неоплатониками и гностиками, он поклонник трагиков и превращает церковь в театр, он триадомах, не лучше самого Эпикура, он не верит в воскресение и подменяет его анабиозом, он накануне Великой Субботы устраивает оргии, как сообщил Арефе один из братьев, он, требуя нравственности от царственных особ, до конца развращен и вовлекает в свое пагубное учение других. Арефа ставит знак равенства между Хирсофактом, с одной стороны, и Эпикуром, Юлианом, Максимом Тирским, гностиками — с другой стороны.

Κουγέας в сочинении *Ὁ Κωνσταντῆος Ἀρέθας* (1913 г.) высказал мнение об Арефе, как о сухом и эгоистичном человеке; нелестную характеристику Арефы мы можем в этом направлении продолжить значительно дальше. Его деятельность в склоке вокруг четвертого брака показательна. Вначале прямой противник четвертого брака, — он даже был отправлен тогда в ссылку — в самое короткое время опознал сильную сторону

и, может быть, в течение одного месяца перешел в другой лагерь, был возвращен на прежний высокий пост и, став горячим защитником поведения императора, обрушился на своих прежних сторонников, в разгоревшейся тогда склоке он принимал главное участие. По всем данным ему было поручено собрание обвинений против Хирсофакта для подготовки общественного мнения и наказания Хирсофакта, т. е. в 907 г., когда, следовательно, Арефа уже возвратил себе свое положение в церкви и при дворе. Целью статьи было определить политическую деятельность Льва, роль трех лиц — Хирсофакта, Анастасия и Арефы — в борьбе вокруг четвертого брака императора Льва.

Внимание к этим трем лицам — Анастасию, Хирсофакту и Арефе — имеет еще и другое основание: все они были видными представителями литературы X в. О литературной деятельности Анастасия и Арефы сказано достаточно. С именем Льва Хирсофакта связано дошедшее до нас сочинение *Ἐπιτομή ἐρημνείας* на св. писание. Арефа в своем сочинении *Χιρσοφάκτις* отмечает богословскую деятельность своего противника, а также сочинения в прославление святых *ἐκδόμια ὁσίων ἀνδρῶν*. Но церковными сочинениями их литературная деятельность не ограничивалась: они „возрождали“ античную литературу.

Враги по политическим группировкам, они были противниками и на литературном поприще, и те и другие, однако же, возрождали античность, но в разных аспектах.

Античная литература дошла до нас почти целиком в средневековых византийских рукописях, преимущественно X—XV столетий.

Византия унаследовала античную литературу от древнего мира и сохранила ее благодаря тому возрождению интересов к античности, которое началось в IX—X вв. Немного бы извлекли из средневековых рукописей гуманисты и их продолжатели специалисты-филологи, если бы не было этого греческого возрождения.

Само по себе повышение интересов к античности — знаменательный факт в истории византийской культуры.

Непосредственная культурная связь с древним миром, постепенно слабая, жила в Византии до VII в., она готова была уже прерваться, когда иконоборческое движение всколыхнуло мысль. Иконоборчество, как явление антицерковное, дало простор светским интересам. То же самое иконоборчество в кругу борющегося с ним духовенства подняло образованность (деятельность студитов и широкая переписка книг в Студийском монастыре). И поистине, почему послеиконоборческий период отмечен возрождением античной литературы.

Заслуги Фотия и его учеников, в частности архиепископа кесарийского Арефы, достаточно известны.¹ Извлечения, сделанные ими, — часто единственный источник нашего знакомства с многими античными писателями. Переписанные для них рукописи не раз сыграли роль начала той традиции текста древних писателей, которой пользуемся мы.

Но ученики Фотия затмили заслуги многих других представителей образованности X в., которым на деле классическая филология обязана, может быть, больше, чем Фотию и его школе.

Философские вкусы в школе Фотия склонялись в сторону Аристотеля, но не Платона; ученики этой школы увлекались прозаиками — историками и ораторами древности; к лирикам и трагикам, носителям

¹ См. Κουγέας 'Ο Κισσαρείας 'Αρέδας. Ath., 1913.

„эллинизма“ и язычества, у них не было симпатий; из поэтов древности они делали исключение Гомеру и элегикам.

Другая школа отдала свои симпатии Платону, а следовательно, и неоплатоникам, греческим трагикам и лирикам, больше того, в этой школе были попытки возродить античную музыку. Эта школа встретила яростные нападки учеников Фотия и была заклеямена антихристианской, языческой и эллинской. Большого расцвета поэтому их деятельность не достигла, но именно им обязаны мы возобновлением рукописной традиции античных философов и поэтов.

Наиболее видным представителем этой школы был как раз Лев Хиросфакт и его литературные друзья.

Восстановить значение Хиросфакта в истории классической филологии мы можем, главным образом, по разбившемуся уже нами сочинению Арефы против Хиросфакта *Χιροσφακτῆς ἢ μουσῆος*, а также по переписке Хиросфакта, изданной Саккелионом (*Deltion I*, pp. 377—410), и по одному стихотворению против Хиросфакта Константина Родосского.¹

Озлобленность Арефы дает ясное представление о литературной роли Хиросфакта.

Одним из обвинений Арефы было то, что Хиросфакт отрекается от той христианской веры, в которой воспитан, и научился другой, не христианской, по сочинениям эллинов *ὁ τὴν ἀπὸ γενεῆς πίστιν ἀπομαθὼν... τὰ δὲ τῶν Ἑλλήνων μεταμαθὼν*.²

Хиросфакт обвиняется Арефой далее в том, что он подражает Платону и таким неоплатоникам, как Максим Тирский и безбожник Юлиан; Арефа угрожает ему наказанием в адских реках, которые приготовил преступникам его (Хиросфакта) мудрец Платон (*ὕψιν ὁ σοφὸς ὑμῶν Πλάτων*).³

Из этих обвинений мы извлекаем с несомненностью, что Хиросфакт и его друзья изучали преимущественно Платона и неоплатоников и были поэтому литературными противниками Фотия и его школы.

Второе обвинение на Хиросфакта возводит Арефа за то, что он превращает церковь в театр: *ἐμίαναν τὸν ναὸν τὸν ἅγιον σου ἔθεντο τοῦτον εἰς θεᾶτρον*; в другом месте: *ἐντεῦθεν θεᾶτροις καὶ μίμοις τε καὶ προδέρκταις καὶ τῇ ἐκεῖ πάσῃ ἀσχρηλοσύνῃ θεᾶτριζε τὴν σοφίαν*.⁴

Из этих обвинений мы узнаем, что Хиросфакт и его друзья возрождали интерес к древнейшим трагикам. По письму к Хиросфакту Анастасия-квестора ясно, что в их литературном кругу Платон и Еврипид считались высшими образцами слова.⁵

Новое обвинение Арефы заключается в том, что Хиросфакт восстанавливает античную музыку, занимается Тимофеем и Аристоксеном, вносит в них тексты исправления. Мы видим отсюда, насколько глубоки интересы к эллинизму в этой школе. От античной музыки неотделима античная поэзия. Попытка восстановления музыки — это уже подлинное возрождение духа античности.⁶ По связи уместно привести некоторые стихи из другого жесточайшего врага эллинизма, младшего современника и подголоска Арефы, Константина Родосского по изд. P. Matranga. (*Anecdota graeca*, 2, 1850, 634—635).

¹ P. Matranga. *Anecdota graeca*, 2, 1850, 624 sq.

² Cod. Mosqu, № 315, f. 88v.

³ Cod. Mosqu, № 315, f. 91.

⁴ Cod. Mosqu, f. 88.

⁵ Deltion, I, 407.

⁶ οἶμαι δ' ὅτι οὐκ ἀσφῶς δοκεῖ, πλὴν εἰ τι καὶ κατορθοῦν ἐν τοῖς Ἀριστοτέλου καὶ Τιμοθέου περιλοβήμασι, οὐδεὶς σοι φθόνος τοῦ κατορθώματος (Cod. 315, f. 88).

В стихотворении против Хирсфакта Константин называет его ἑλληνοδορῆσκοχριστοβλασφημότης (служитель эллинских идолов, хулитель Христа); βαρβιτοναυλοπλινθοκυμβαλοκτύπος (играющий на барбитоне и флейте, ударяющий в литавры и кимвалы).

Приведенные материалы вскрывают нам новую важную сторону возрождения X в. В истории классической филологии не только Арефе, но и Хирсфакту принадлежит достойное место.

ТЕКСТ

ΧΟΙΡΟΣΦΑΚΤΗΣ Η ΜΙΣΟΓΟΗΣ.

- 1 [F. 87] Βαβαί, ἦν ἄρα καὶ τότε χρυσοῦν ἔπος, οὐ τῷ τυχόντι τῆς ἀληθείας ἐχόμενον, πάντα δὴ προσδοκᾶν αὐτοῦ ὄντα φιλοσοφοῦν. οὐδὲν γε τὸ ἀπὸ τοῦδε καὶ τῶν ἄγαν τολμηροτάτων ἀπογνωστέον ἐμπολιτευθῆναι τῷ βίῳ. Τί γάρ, ὦ πλήρη πάσης αἰδοῦς ἀνακτορᾶ θεοῦ, τοῦτο; Τί τὸ βλεπόμενον ἄγος; Τίς ἢ τοσαύτη μανία 5 καὶ ἰταμότης; Τί τὸ φοικτόν καὶ ἀπαισίον ἔργον καὶ πρὶν ἢ τελεσθῆναι οὐκ ἔχον εἰς σύμφωνα πίστιν τελεσθῆσόμενον; Ἄνθρωπος Κέρκωψ μεστός παντός δόλου, πάσης ἀκαθαρσίας, τῶ χριστιανῶν πηρωσάμενος, τῇ εὐσεβείᾳ μακρὰ χαίρειν εἰπῶν τῷ μέγα πόρρωθεν ἐστῆκότι τῶν τοῦ θεοῦ σκηνωμάτων ἀφορᾶν τὰ προαύλια. "Ὅδ' οὐκ ἀγαπᾷ τῷ εἰληχότι συνεξετάζεσθαι δαίμονι, ἀλλὰ καὶ αὐτοῖς ἐνοικίζεται τοῖς τεμέ-
- 10 νεσι καὶ οὐδὲ μέχρι τούτων ἰστάμενος, ἀλλὰ καὶ τοὺς αὐτοῦ λήρους δι' ὁμοτρόπων ταῖς εὐσεβείσιν ἀκοαῖς ἐνηχεῖ, οὐκ ἂν ἄλλο τι τούτοις ἢ τοῦτο δεινότατα παλαμώμενος. Βουλῆς γε αὐτῷ πρόσσετι τὸν ἐπιπολάζοντα τῆς ἀδείας ὅσον εἰς γυνῶσιν τιῶν ἀποτιναζάμενῳ κονιορτόν, εἶτα ἐπιμορφασαμένῳ εὐσεβείαν καὶ δόξαν περιπεποιημένῳ χρηστότητος, πρὸς οἷς ἀποσυλᾶν περιγένοιτο τινας τῶν κατὰ κύριον 15 νηπίων, καὶ πρὸς τὸν ἑαυτοῦ βόρβορον ἐπισπάσασθαι, ἔτι καὶ τοῖς ἠτιμωκόσιν, ἅτε δὴ ἀναχαιοπαθῶν, ἀμύθητον τὴν μεμψιν, καλῶς ἐν γε τοῦτο ποιῶν, ἐξεργάζεται. Τί γάρ; οὐ τοσοῦτον λοιμὸν ἐξελόντες; ἐκ [f. 87v] συνεδρίου μὴ διὰ τέλους ἠράνισαν, ἀλλὰ τῷ βίῳ κατέλιπον, ὄλκον ὄφρα συμπεριάζεσθαι καὶ τοῖς πολυστρόφοις ἐλίξῃσι, πολλοῖς τῶν ἀπλουστέρων συσχηματίζεσθαι μηχανώμενον; Ὡ τῆς περιπετείας 20 ὦ τῶν ἐκ βραθυμίας ἀτυχημάτων; οὐκ ἔστιν ὁ συνιών; οὐκ ἔστιν ὁ ἐκζητῶν; οὐχ ὑπέρεστιν ἡμῖν Φινέες, ἐν ἔκκεντήται καὶ νῦν Μαδινίτις μαχλάς, ἀλλόφυλος γλῶσσα τοῖς νόθοις ἐν θρέμμασι τὴν τοῦ κυρίου παρεμβολὴν ἐκπορνεύουσα, καὶ θραύσις μὲν ἤδη κοπάζεται, ἐκ δὲ τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ ὄνειδος ἀφανίζεται. Οὐ πάρεστιν Παῦλος, οὐ Σίλας ὅς τὴν κατὰ Πύθωνος πνεῦμα ψυχὴν τοῖς ἀνοήτοις φοιβάζουσιν 25 δυνάμει καταπαύσῃ θειότητος, τοῖς δὲ Χριστοῦ θρέμμασιν τὴν ἀσφάλειαν ἐκπορίζεται; οὐχ ἑτερός τις, οὐ νέος, οὐ παλκιός, οὐ τοῖς ἀνακτόροις θεοῦ οἰκονομούμενος τὸ αἰδέσιμον, ὡς ἄβατα μένοι ταῦτα τοῖς τῶν ἀνθρώπων βεβήλοις καὶ πονηροῖς ὀφθαλμοῖς ἀψαυστα, οὐχ ὅτι καὶ ἰὸς τοῦ δρακοντείου αὐτοῖς στόματος περισταζοίτο. Ἄλλ' ὁ μὲν παλαιὸς νόμος Μωαβίταις καὶ Ἀμμονίταις ἀνέπαφα συνετήρει 30 τὰ κατ' αὐτὸν ἄγια καὶ εἰς τετάρτην γενεάν τὴν πάροδον ἀποτεριχίζόμενος, καὶ εἶχεν οὕτως τὰ τοῦ θεσμοῦ, μηδένος τι παραποιούντος τῶν διαστελλομένων ἢ παραβλάπτοντος. Ὁ δὲ γε κινῶς καὶ πρὸς τὸ πνεῦμα τὸ γράμμα μεταπλαττόμενος οὕτω σχεδῶς, οὕτως ἀπερισκέπτως, οὕτω πλημμελῶς τοῖς ἀκαθάρτοις καὶ περιφραπτηρίων χωρίς, ἀπὸ τῆς κόπης φασίν, ἀπὸ τῆς κεραμικῆς ἀσβόλου, τῶν ἑαυτοῦ 35 ὀργίων παραχωρήσει καὶ χοίροις τε καὶ κυσὶ τὸ μαργαροῦδες παραβλεῖ τῶν διδυγμάτων τε καὶ δογμάτων. Μανία τοῦτο δεινὴ, οὐδ' ἤτιμι τῶν ἄλλων ἔχουσα παραβάλλεσθαι. Εἰπέ γάρ μοι σὺ ὁ ταῦτα τεχνάζων καὶ διασημιευόμενος πῶς μιὰρὸς καὶ ἀποφρᾶς ἄνθρωπος, βδελυκτός τε τοῖς πᾶσι καὶ ἀποτρόπαιος, ὡς μὴ δὲ τῇ Ῥωμαίων βουλῇ δι' ἀσέλγειαν ἄξιος ἐνυλιζέσθαι, ἔτι τῶν δυστεβεστάτων

χειλέων τὰ κατὰ τοῦ κυρίου καὶ τοῦ Χριστοῦ αὐτοῦ ἀποβλύζων, εἰς νχὸν αὐτοῦ ἄγιον ἀπηθαδίσω σαυτὸν εἰσβιάσασθαι καὶ πρὸς τούτῳ ἀνυπερβλήτῳ τολμηματι ἦδη καὶ ἅ μόνοις ἀνείπαι τοῖς βίῳ καὶ λόγῳ τῆς εὐσεβείας κατηροτισμένοις καὶ τῷ διδασκαλικῷ μεταπρέπουσιν ἀξιώματι αὐτὸς διὰ στόματος ἀναλαβεῖν ὁ ἄριστος μὲν αἰσχεσι καὶ ὑπ' αὐτῷ γε τῷ πονηρῷ συνειδῶτι κατακεχραμμένος; οὐκ ἔστι δ' εἰπεῖν ὅση περιλιμναζόμενος ἀθεία, ἐὰν γε ἐρεῖν ἀμαθία, τοῦτο μὲν τῶν ἱερῶν γραμμάτων· τοῦτο δὲ καὶ ὧν δοκεῖς Ἑλληνικῶν παιδευσμάτων τὸ κράτιστον ἀπενέγκασθαι· ἴσασι ταῦτα οἱ λόγον πηγάζοντες σοφίας ἀδόλωτον· οὐδὲ ἐκεῖνο¹ συνείεις. Πῶς γε δυσσεβεῖα τυφλώττων τε καὶ κατακρατούμενος; ὡς οὐχ ὠραῖος αἶνος [F. 88] ἐν στόματι ἀμχρωτοῦ· ἢ τὸ τῶν πολιτικῶν σοι κἂν τῆ τοῦ θεοῦ ἐκκλησία κέκρικας σκευαρεῖν; ἀλλὰ γὰρ σύνες· οὐκ ἐπιτεύξεται δόλιος θῆρας, ἐπεὶ τοι κἀκεῖνος ἐπηρεάσας, πρεσβείαις Βουλγάρων, πρεσβείαις Σαρακηνῶν, εἴτα παραπρεσβείας ἀλούς, μᾶλλον δὲ τοῖς προκεχειρηκῶσιν ἐπιβουλήν ἐξαφύτων, βραχὺ μὲν τι λαυθάνων ἐδοξας ἐνευδοκιμεῖν, τελευτῶν δὲ κατεγνωσμένος καὶ ἅ εἶχες ἀγώγιμα νενουάγηκας· ἐπεὶ καὶ οὕτως ἐχρῆν ἀμαρτωλὸν ἀνατείλαντα ὡσεὶ χόρτον διακόψαι καὶ πρὸ τοῦ ἐκσπασθῆναι ἐξηράνθαι, ὅτι καὶ τοιοῦτο πᾶν τὸ ἀπὸ γοητείας κατευθυνόμενον· Τρεῖς μὲν γὰρ τάξεις ἐξ ἐνὸς τρόπου διήμεψις, ἀλλ' οὐν πρὸ τοῦ συνεινᾶν τὴν ἀκανθάν σου τὴν βᾶλλον, τὴν ἀδροτέραν δῆπου πλημμέλειαν, ἦδη μετωροπορεῖν ἐναρχάμενος, ἦδη μεγαλαυχεῖσθαι καὶ γὰρῳ φρονήματι φέρεσθαι· ἔπεσε πῦρ ἐπὶ σὲ συμφορᾶς ἐνδίκου καὶ θεηλάτου, καὶ οὐκ εἶδες οὐπερ ἑαυτῷ πυρσεύειν τεταλαιπώρηκας ἥλιον. Καὶ νῦν ἐν παραβύστῳ οὐδὲν ἀξιώτερον διατελεῖς, οὐχ οὕτως ὅτι φορτίον ὑπὲρ τὴν δύναμιν ἀναθέσθαι ὑπελγνεύσω, καὶ οἷς μικρὸν παρὰ τὴν ἀξίαν εὐ ἐπραξας εἰς ἀφορμὴν κακοφροσύνης ἐξώκειλας, ἀλλ' ὅτι μὴδὲ τοῖς ἀσεβέσι παρρησιαζεσθαι δίκαιον, καὶ τὴν αὐτῶν ἐκπομπεῖν λύπην ἀνθρώποις κἂν εἰς βραχεῖς τινας τῶν ἀστηρίκτων ὑποποιῆ νῦν, ἵνα μὴ καὶ ὁμογνώμων σοι λέγω, πιστὸν γὰρ πᾶν εἰς φίλιαν τὸ ὁμοίτροπον, εἴ τί γε δεῖ τῷ εἰρηκότι καλῶς πείθεσθαι. Οἱ δ' αὐτοὶ σοι δοκῶ μοι καὶ τὸν μουσικὸν χορὸν συμπληρώσειαν, ὁμοιοὶ ὁμοίῳ, τῷ μὴδ' ὅτι σχέσις εἰδῶτι ἀρμονική, μὴ λόγος ἐξ ἀριθμῶν τε καὶ λογισμῶν κατορθούμενος μεγέθους δέομενος, φύσεως ὄξυτητι καὶ εὐμαθείᾳ τὸ πολυσχιδὲς τοῦ μαθήματος περιδρασσομένης εἰς φθόγγους, εἰς διαστήματα, εἰς γένη τε καὶ συστήματα καὶ τόνους καὶ μεταβολὰς καὶ τὴν τούτων χρηστικὴν διαφορμένης μελοποιίαν κρείττονος ἢ κατὰ πᾶν ἄνθρωπον καὶ ὕδην, καὶ μᾶλλον παντὶ ἢ λογισμοῦ ἐοικότι κυρίῳ, καὶ οὐδὲ ὅσον ὑπὸ δακτύλων συσπάσει τε καὶ κλίσει τὰ πρόχειρα παντὶ πᾶσι γινώσκοντι, ἀλλὰ γέ τί τις καὶ δρῶν ψυχὴν πάντολμον καὶ μηδαμῶ τὸ προβεβλημένον ἐξ εὐηθείας ἀπογινώσκουσιν. Ἐμοὶ μὲν οὐν οὕτω ταῦτα. Οἶμαι δ' ὅτι καὶ οὐκ ἀσφόως δοκεῖ πλὴν εἴ τι καὶ κατορθοῦν ἐν τοῖς Ἀριστοξένου καὶ Τιμοθέου πεφιλοτίμησαι. Οὐδεὶς σοι φθόνος τοῦ κατορθώματος· Ἐμπεῖν γενικώτερον τῷ αὐλῷ, κἂν εἴ σοι μέλλοι ἢ φίλη Ἀθηνᾶ ὃ καὶ ἑαυτῇ ποτε ἐπιτετευγμένως μωκῆσασθαι, ἐπεὶ καὶ αὐτῇ αὐλοῖς προσευκαιροῦσα [F. 88v] τὸ πρότερον, καὶ τῆ τοῦ πνεύματος ἐπιρροία τὰς γνάθους κυρτώσασα πρὸς τὸν ῥύθονα, εἴτα τῆ ἀπρεπείᾳ ἐπιμεμψαμένη· ὕδωρ γὰρ αὐτῇ ἐκ τῶν εἰδώλων τὸ σύμπτωμα κατεμήνυεν· ἐμίσει γε τοὺς αὐλοὺς καὶ καταρρίπτει πρὸς τοῦδαφος· μετὰ δὲ τὸν αὐλὸν κιδάραν μεταχειρισμένους ὁ μετὰ τὸν Ἑρμῆν τοῦτο μόνον κλεπτίστατος ἐντεινε τὰς χορδὰς τοὺς κόλλοπας συστρεψάμενος, ἀνίστη μετεωρότερον τὴν μαγάδα, ὡς ἂν εὐχότερον ἢ χέλυς τῷ ἑαυτῆς ὑπηγῆ κοίλῳ ἐξ ὑπερδοξίου δονήματος τοῦ πλήκτρου ταῖς νευραῖς ἐπιπρέκοντος καὶ τῷ προσήκοντι κανόνι τοὺς φθόγγους πρὸς συμφωνίαν ἐπείγοντος. Ἐντεῦθεν θεάτροις καὶ μίμοις τε καὶ προδείκταις καὶ τῆ ἐκεῖ πάσῃ ἀσχημοσύνῃ θεάτριζε τὴν σοφίαν, εἰ βούλει Διονυσίοις καὶ δαίμοσιν ἐμπομπεῖν· οὐκ ἔστιν ὁ τοῦτο κωλύσων τὸν καθάπαξ κκοδοαίμονως ἀποκλισθέντα τοῦ κρείττονος. Τούτοις καὶ ἀποθύσεις ἀνυποστόλως τῶν σεαυτοῦ ἐγγόνων ῥημάτων καὶ συμβαχχεύσεις τοῖς διασώταις, τοῖς σειληνοῖς, τοῖς σατύροις, ταῖς μαινάσι, ταῖς βάκχαις· ἔστιν

¹ ἐκεῖνος cod.

ᾧτινι τούτων καὶ Ἰκαρίῳ προσχρήση, ὡς ὄνῃ σοι ἐφίξονται καὶ τὴν κατὰ σαυτὸν
 οἶμον ἐλαύνοντι. Ναὶ μὴν καὶ Ἐκάβῃ τινὶ ἐγκαλλωπίση τῷ γήρῃ πολλοὺς σοι
 παραπλησίους τὴν ἀθεότητα τῶν εἰς αἰσχροτήτα ἀπορορῶτων κεκοινωνηκυῖα,
 ἢ καὶ ἀξιοχρεῶ, Ἐριδι τῶν ἀναιδῶν σου καὶ ἀμαθεστάτων κέχρησαι πόνων· τούτοις
 95 κατευθύνου, τούτοις κατευθοῦ. Ὡ τῶν εἰς θωπείαν πάμμεγά τι χρεῖμα καὶ
 βδελυρώτατον; ἐν τούτοις καὶ τὸ ἐνευδοκιμεῖν ὑμᾶς ἀνεπίζηλον καὶ τὸ παρ-
 ευδοκιμεῖν οὐ μεμφομενον· Ἐπεὶ ὅτι γε εἰ καὶ πάντα σοι τολμητέα, ἀλλ' οὖν οὐ
 καὶ τῇ τοῦ θεοῦ ἐκκλησίᾳ τὸ βούλημα κατανύσεις; οἰχήση δὲ πρὸς χάος οὐχ ἦττον
 ἢ οἱ πρὸ τοῦ σοὶ φυλέται, αὐτοῖς χοίροις τοῖς σπουδασταῖς σοῦ φημι καταλλήλως
 100 ἀφανιζόμενος· οὕτω γὰρ ἂν καὶ τὸ ἐπώνυμον ὑμῶν ἐπαληθεύοι ὁ Χοιροσφάκτης
 τοῖς χοιριδίοις ἐναριστέων καὶ συμφθειρομενος. Ἄλλ' εἰ καὶ ταῦτα, ἐμὲ γοῦν
 ἀνιᾶ τὸ τολμηθὲν ἀπαρακλήτως καὶ νυκτὸς καταβόσκειται καὶ ἡμέρας οὐκ ἔχοντα
 ποῖ καταθεῖναι τῶν τελεσθέντων τὴν ὕβριν καὶ μοι παρίσταται κατὰ καιρὸν
 ἐκβοᾶν· ὁ θεὸς ἦλθ' οὖν εἰς τὴν κληρονομίαν σου, ἐμίαναν τὸν νόον τὸν ἅγιον
 105 σου, ἔθεντο τούτον εἰς θέατρον ᾧ καὶ συγκλυδῶν ὄμιλος κατεχρήσατο τὸ ἐπελθὼν
 ἐρυγγάνοντες· καὶ πῶς γὰρ οὐκ ἐμίανας, πῶς οὐκ κατέχρηνας; οὕτω γλωσσαλγῶν
 ἀπερυθριακώτως, οὕτω τοῖς θεοῖς ἀμιλλᾶσθαι πατράειν εἰς ἔργον τιθέμενος. Τίς
 ἄν; Ἰακωβὸς τε καὶ Ἰαμβρῆς. [F. 89] Μωυσεὶ μὲν ἀντικαδιστάμενος τοῖς τεραστίοις,
 ἀλλ' οὖν μένων, καὶ οὕτως Νειλῶος φαρμακὸς εἰς φύσιν τὸ σφόν σου διαλυόμενος·
 110 ἢ καὶ Σαλμωνεύς ἄλλος, προσέτι καὶ ὁ Λατίνος Ἀμούλιος· βροτῶν μὲν ἐπανηρημένοι
 ἤπερ κάκεινοι· ἐκ Βύρσης δὲ τογάρτοι Αβειρώμ καὶ Κορὲ καὶ Δαδᾶν εὐξάμην ἂν,
 μᾶλλον δὲ πέποιθα συγκυρησαί σοι τοῖς ἐκ θεοῦ καὶ αὐτῷ τὴν ἰσράν στρατηγίαν
 λαγοῦσι καὶ τελετήν, οὕτω ποθοῦντι μανιωδῶς παραξάγεσθαι. Τί δὲ τὸ Ὀζατῆς
 διακοπῆς ἔνδικον πάθος; ἄρ' ἐκφουῖξῃ ὡς τὴν τοῦ θεοῦ κιβωτὸν τῆς ἀμάξης
 115 κατολισθαίνουσαν τολμηρῶς ὑπερέας, ὅτι μὴδὲ τοῦ κλήρου τῶν οἷς ἀνεῖται
 καθίστατο τῶν τοιούτων; Τίς ἀπ' ἐλπίδος τῶν εἰς εὐλάβειαν θείαν παραγγελλόντων
 ἠγήσεται; Ὡ τῆς ἀπόπου καὶ ἀλαζόνος φιλοτιμίας; ᾧ τοῦ σχετλίου θεαυματος καὶ
 ἀκουσματος; Εἶδόμεν¹ καὶ νῦν ὡς μὴ ὄφελον τεθεάμεθα τὸ τῆς ἐρημώσεως
 βδέλυγμα ἐστὼς ἐν τόπῳ ἁγίῳ καὶ στόμα μακρὰν μὲν φυλακίαν συνείρον, οὐχ ὡς
 120 ὁ νόμος δὲ τοῦ κυρίου οὐκέτι τὰ τῆς ἐρημώσεως ἀπιστούμενα, οὐκέτι τὰ τῆς ἰσράς
 ἀγαστείας οὐ κατολιγορούμενα. Ἄλλ', ᾧ πάντων ἀνθρώπων ἐλεεινότεα καὶ
 θρασυτάτα καὶ ἀπαιδευτότατα, κάκεινοις οἷς παρεποῦσθαι τολμᾶς, ἀπειναντίας τῇ
 γνώμῃ φερόμενοι· οὐδὲ τοῦ θείου τὸν λόγον Γρηγορίου ᾧ δῆθεν ἀμφήριστος φῦνα
 ἀποθρασυνάμενος τῷ χαρακτῆρι τοῦ στόματος ἀετῷ κἀνθραος ἀναφάνη τῇ
 125 ἐπισκῆψαι ἐπέστησας, οὐ πάντες φιλοσοφούντος. Ὡ οὗτοι οὐ παντὸς περὶ θεοῦ
 φθέγγεσθαι ἢ καὶ τούτο ἐπὶ σοι πρὸς ἀλήθειαν ἐφορᾷ, ὡς τὸ μὲν ἀκούσαι καὶ
 ὄνῃ λύρας εἰς πρᾶγμα οὐδέν, διατεθῆναι δὲ ὡς ἂν τοῖς λόγοις σκοπός, οὗτι γε
 ἀνδρὸς κατὰ τοὺς πολλοὺς, οὐ τῶν μὴ λόγον προστησαμένων τοῦ βίου συλλήπτωρα,
 130 ἀνθ' ὧν ὅτι θηρίον ἀπαιδευσίχ πιεζόμενον καὶ ἐλαυνόμενον ἀλογία τοῦ γνόφῳ
 τε καὶ θυελλῇ κατακαλυπτομένου ὄρους εἰς ἀθεώρητον ἀνιέρους καὶ τούτοις τὸ
 κατὰ κορυφὴν θείον πῦρ περιστέλλοντος θιγεῖν ἐτόλμησας, κἄν εἰ σοι δια-
 παίξεται ταῦτα τῇ ἀθεότητι ἀπιστούμενα, λίθοις στεροῖς φημι λόγους βληθείης
 καὶ βολίσιν, ὀνειδεσι πρὸς ἄξιαν πόρωθεν κατατοξευθείης· καὶ οὕτως ἀπέλθοις ἐκ
 τῶν ἁγίων τῇ τοῦ Ὀζίου λέπρα κατασχυνόμενος· ἀλλ' εἰ μὴ παντὸς τὸ θεολογεῖν,
 135 χριστιανῶν δὲ πάντως, οὐδέηπου γὰρ φῶμεν Ἑλλήνων ἤτου γέ σοι ἀθέψ τε καὶ
 ἀλάστορι, ὅτι μὴδὲ δαίμοσιν ἐφεῖται θεολογεῖν, ἀλλ' ἐπιτιμᾶται σιγᾶν οὐχ ἦττον
 ἢ καὶ ὑμῖν νῦν. Τί δαὶ καὶ θεολογήσεις; τί καὶ τῶν περισπουδαστῶν σοι καὶ
 κωμωδίαν Ἑλλήνων ἐπιμνησθείης; θεολογεῖν [F. 89v] ἀναιδεύσατο ὁ τὴν ἀπὸ γενεᾶς
 140 θαῦμα ποιούμενος, εἰ καὶ νῦν ἀπίστως καὶ δολερῶς ἐξορχούμενος τῆς ταχυτητός
 τε καὶ κουφότητος, καὶ ποῦ σοι στῆναι λοιπὸν βέλτιστε, ὅτι καὶ θεολογῶν, θεο-

¹ ἴδμεν, cod.

- χόλωτος και τὰ Ἑλλήνων χλευάζων εἰς πίστιν οὐκ εἴσημος, ἀλλὰ και οὕτως κἀκείνως ἐμβρόντητος, οὐ μᾶλλον τῆς ἐμπληξίας, ἢ τοῦ ἀνεπερείστου ἀναβωόμενος και μισούμενος, ἕτερον τρόπον τὸ τῶν ἰκτινῶν τοῦ μύθου παθῶν· ἀλλ' ἵνα σου
- 145 και τὸ σοφὸν και ἀπόρητον ἀκριβέστερόν τε και κατὰ σκινδαλμούς ἐκλαλήσωμεν τῶν φθασάντων, οὐχὶ θεολογούντος· οὐδὲ γὰρ μῦρον διὰ βορβόρου πέφυκε ρεῖν, οὐδὲ τιμῶντες τοὺς θεοὺς θεράποντας εἰ νῦν φληναφοί· τίνας γὰρ και τιμῆσεις ὦν τὸν ἀρχηγόν τε και κύριον Ἰησοῦν τὸν υἱὸν τοῦ θεοῦ και θεοῦ ὅσαι ἡμέραι κατηγορῶν οὐκ ἀνῆκας και κατακόρους· πολλοῖς τούτου κεχρήσομαι μάρτυσι τοῦ θεοῦ
- 150 ζηλωταῖς θερμοτάτοις· οἱ τὴν ἀθείαν τῶς ἀπήλεγξαν, οὐ μείον και τῷ ὑμετέρῳ υἱῷ, ἀνθ' ὧν αὐτῷ και μεγαλωφελέστατον παρέσχον μισθὸν εἰς τὴν ἀφ' ὑμῶν λῆξιν ἐπηρεάσας, εἰ και συνοίσειεν ἐμελλε τὸ ζημίωμα ἀθέου κλήρου και ἐξαγίστου μηδὲν τι μετέχοντι, μηδὲ μικρὰ ζῦμη ὄλω λελυμάνθαι φυράματι, οὐκουν τιμῶντος τὸ διαβούλιον· αἰσχροὺν γε και λίαν ἀνόητον κανθάρων πονηφ φιλοτιμῆσθαι τοὺς
- 155 μῦρων ἀπόζοντας, ἀφ' οὐπερ οὐδὲ τιμῆσονται τοῖς ἀτίμοις οἱ τοῦ κρείττονος θεραπευταί και ἐπήβολοι, ὅτι μηδὲ τοῖς ἐξ Ἰουλιανῶ ἀναδομουμένοις αὐτοῖς τε μηνίσμασιν, οὐδὲ καδ' αὐτῶν ρηῖσον ται κόνιν, βλασφημῶ παραχωροῦντες τὸν ἐπαινον, ὃ ζῶντες εἴπερ ἀντιβολεῖν ἐξεγένετο, ἀλλῶ χαλεπωτέρῳ φιλᾶρίδι ἢ και Διομηδεῖ τῷ Θρακί συντετυχηκεσαν ἄν, ὡς και παιδιᾶν ἀποφανθῆναι, τοῖς νῦν εἰς
- 160 ὁμοιότητα προβᾶσι τὰ τουτοῖς ἐπενεχθέντα παραβαλλόμενα· και τί τὸ πονηρὸν διαβούλιον; ἀποσυλῶντί σοι τῷ μηδὲ τῶν βασιλικῶν δῶρων τὰς χεῖρας ἀγενεῦσαντι, μᾶλλον δὲ σπαράσσοντι και παρασπῶντι τῶν τοῖς πατράσιν ἢ και τίσιν ἄλλοις κομψῶς εἰρημόνον και ταῦτα χυδῶν τε και εἰκῆ συμφοροῦντι τοῖς σπουδασταῖς ἐπιδεικνυσθαι οὐ νόθους, ἀλλ' αὐτοῦ γνησίας ταῦτα γονὰς πείθονται; οἱ δὲ
- 165 πολλῆ πελαγιζόμενοι τῆ κορύζῃ ὡς και τίθης δεῖσθαι λοιπὸν πῶς ἂν τοιούτοι τὰ φῶρια διακρίνοιεν· ἢ ταις ἰσχυαῖς και μόνοις τοῖς νήφουσι κατοπτευομέναις διαμαχτιαῖς ὑμῶν ἐπιβάλοισιν; οἱ μηδὲ τὴν κατὰ πίθου σκιάν διαβλέποντες ἄγονται τε και φέρονται οἱ τὸ συμπνίγον ὑμᾶς πονηρότατον ἐλύσειε πνεῦμα και οὐκ [F. 90] αὐτοῖ μόνοι, ἀλλὰ και τούτους, ὅσοι κατ' αὐτοὺς ἀπηγήκασι τὴν
- 170 σωτηρίαν πρὸς τὸν αὐτὸν ὄλεθρον ἐπισπῶμενοι ταύτην ται φατρίαν. οὐκ ἐναγῆ περιπεπονημένῳ, προβῆναι σοι καδ' ὁδόν. Ὁ μηδ' εἰ τελεῖτο πιστεύσας, οὐ κατ' ἐλπίδος και τὰ ἐνδέοντα· ἐνὸς μὲν οὖν τούτου και πρώτου, ὁ κινδυνώδης τε και ὀλέθριος ὑμῖν πλοῦς μεμηχάνευται, δευτέρου δὲ τινος και κατ' οὐδὲν φαυλοτέρου τοῦ πρώτου κακηντροχία· ὄρηται μὲν ὡς τοῖς κρατοῦσιν μέμψιν ὑφαίνων και
- 175 τούτους εἰς ἀσυνουσίαν τε και ἀναισθεσίαν τῶν περὶ αὐτοὺς ἀρχόντων, ὅσα γε πρὸς ἐκλογὴν ἀποσκώπτων ταύτη προσάγεις ἄτε τοσοῦτον δῆθεν ἄνδρα παραγκωνισάμενοι, και τοῦ πολιτεύεσθαι καταπαύσασιν καιτοῖ εἰ τι και ἄλλο· οὐδὲν οὔτοι τοιούτο, οὐδ' ἂν χαριέστερον τούτου τῶν εἰς σωφροσύνην ἀποπνευόντων και θεοσέβειαν ἔχοιεν ἐπιδεικνυσθαι ἄνδρα λοιμόν, ἄνδρα βωμολοχία τοὺς πάποτε
- 180 φημιζόμενους ἀποκορυψάμενον, τῆς πολιτείας ἀποκορυσάμενον, παρ' ὃ γε και εἰ τι εὐετηρίας ἐγένεσθαι, τῷ καταπίστῳ τούτῳ ἐπιτηδεύματι καρπωσάμενον· ἢ γὰρ οὐχὶ και νῦν τῶν συγνηνομένων ὑμῖν μόνον οὐ κροκίδας ἀφαιρῆ τὰς χεῖρας κατὰ τοὺς ἐμβροντήτους γνωστικὸς διαψηλαφῶν, μειδιάματι χρηστῷ δεξιούμενος, τῆ γνώμη συντρέχων και εἰ τι ἄλλο τῆς κολακείας ἐστὶ γνωρίσμα θερμοτήτι πάσῃ
- 185 καταπραττόμενος οἷς τοὺς μὲν νωθεστέρους εἶχες ἂν και πρὸς φιλίαν συνέδησας, τοῖς ἀνδρώδεσι δὲ και γεναιότεροις ὑλὴν παρέσχες τοῦ μισους τὸ ὑπερβάλλον μυσαιτομένοις τοῦ πράγματος, ἀλλὰ τὸ μὲν λέλεκται, οὐκ οἶδα δ' εἰ και καδ' ὅσον εἰπεῖν ἄξιον. Τὸ δε οὖν κεφάλαιον τούτου και διὰ τὸ βδελυρόν σοι παγκράτιον συγκεκρότηται μωμῆσθαι τοὺς αἰδιμίους πατέρας τὸ σπουδάσμα, και μὴ πλεόν
- 190 ἀποφαίνω ὑμῶν αὐτοὺς ἀποφέρεσθαι μὴ βίου σεμνότηθα μὴ λόγων στερορότητα ἀλλ' ἐφ' ὁμοίους ὑμῖν τὸν βίον καταγελάστως ἀπνητληκότας· τὰ μὲν ἄλλα τῷ χρόνῳ ἀφανισθῆναι, τὸν λόγον δὲ νῦν μόνον περιποιεῖν αὐτοῖς τὸ μακάριον, ὅπε οὐδ' ἂν αὐτὸς ὁ τοῦ ψεῦδους πατήρ, εἰ μὴ σοι γλώσση χρησάμενος νῦν ἐξηρεῖξας Τοῦτό σου τὸ κατὰ τῶν πατέρων σκευῶρημα· αὐτῆ ἢ ἐκ κακούργου σου γνώμης

- 195 διαβολή και τὰ κατ' ἐκείνων νεανιεύματα. Ἐπειὶ ὅτι γε ἄλλως σοι ληρεῖν περιγίνεται οὐκ ἄδηλον οὐδενί· τί γε ἢ σὴ περὶ λόγους ὡς οἶε σπουδῆ, εἰ μὴ κατὰ Δημάδην ὑμῖν και Ἰπέρβολον προσπεπόρισται τῶν εἴ τι και ἐνδεῶς ἔχες τῆ τοῦ θεοῦ ἀνεπλήρωσέν ἐκκλησία νηστείας εἰσηγήσιν; ἀλλὰ Βασιλείου και πράξει και λόγῳ σαλπείσαντος και παρακαλέσαντος τοὺς εὐσεβείας πρὸς τοῦτο τροφίμους. Τίς ἂν ἔτι ἀνά-
- 200 σχοιτο Χοιροσφάκτου νηστεύειν δημηγοροῦντος, ὃς πρὸς οἷς ἄλλοις ἠσέλησεν, ἔτι και τῷ Μεγάλῳ και θείῳ Σαββάτῳ νυκτός ὀρνιδεύσας¹ και ταύτην καθ' ἡδονὴν αὐτῷ καρυκεύσας ὄρθρον ἐγνωκῶς ἐπιφαινοντα [F. 90v] πρὸς θοίνην ἐχρῆτο και τῶν σαρκῶν ἐντραγῶν, ὅσον εἰς ἐξουσίαν, ὀλίγον ὑπνώσας, εἴτ' ἀναστὰς και στόμα και γείρας ἀφαγνισάμενος τῆ συγκλήτῳ συνῆε βουλή και πρὸς ἐσπέραν μετείχε τοῦ
- 205 θεοτάτου Χριστοῦ δείπνου ὁ δαιμόνων ἅμα πρῶτὶ κοινωνήσας τραπέζας και ποτηρίου. Ὡ τῆς ἀνεκιάστου θεοῦ μακροθυμίας; ὡ τῆς τοῦ καταφρονητοῦ υπερβλυζούσης μανίας; εἶτα τούτῳ νηστείας και τούτῳ ἀγιασμοῦς τούτῳ ἐγκρατείας ὑψηλῆς δίκαιον χρῆσασθαι, ἀλλ' οὐχὶ βόθρω, οὐ ξίφει, οὐ καταποντισμῷ ἀπολέσθαι; εἴπερ ἐπαλθθεοῖ οὐ ταῦτα ἡμῖν ἰστορήσας υἱός, ἀλλ' εἰ και μὴ ταῦτα, Χοιροσφάκτῃ δ' οὖν ὅμως
- 210 εἰς ἐγκράτειαν παραγγέλλονται; Τίς ἔψεται ἐπιδεικνυμένην πίστιν ἀτ' ἂν ἀπαγγέλλει δίκαιος και οἷς αὐτὸς τις ἐνασχασάμενος κατορθώσκειν ἔξιν² και τοὺς λοιποὺς οὐκ ἀπέγνωκεν, ἀλλὰ θεολογίας τριαδικῆν ἔκφρασιν ἠσθην Ἐπικουρείῳ τριαδομάχῳ και πληρεὶ δαιμόνων ἀνθρώπῳ περὶ τριάδος θεολογοῦντι. Τί δαι σεμνότερον ἀποχρησῆ Γρηγορίου τῷ λόγῳ τὸν ἄνδρα πρότερον ὁ ἀκάθαρτος ἀνακαθάρας, ὃ τοῦτο μόνις
- 215 μεδεῖται τὸ ὑπερφύεστατον και κρεῖττον ἀνθρωπίνης σχεδὸν ἔξεως. Ἀλλὰ περὶ τῆς ἐν σαρκὶ τοῦ λόγου οἰκονομίας φρυάξῃ ἐρεῖν, ἀλλ' ὁ χρυσοῦς Ἰωάννης βροντήσας οἶον οὐράνιον ἐμποδῶν στήσει. . . . σὺν Ἀθανασίῳ τῷ θείῳ τῷ μηδὲ κατὰ χαλκοῦ ῥύπον τὸν τεθνεῶτα φέροντι λόγον, ἀλλ' ὥστε οὐδ' ἡ τῶν πιστῶν ἀκοῆ χρυσεῖων ἀλλάξεται χάλκεα, ἀλλ' ἀποτηρήσεται τοῦ νέου προτίμῳ λόγῳ μὴ ἀλμυρὰν ἀκοῆν
- 220 ἐπεισάγουσα, ὡσπερ καλῶς ποιοῦντες κατέπραξαν οἱ πνεύματι θείῳ καταληπτοὶ τῆς φλυαρίας ὑμῶν ἐναρχομένης θεοφιλῶς δραπετεύσαντες ἢ οὕτω και σαδδουκαίοις τοῦ περὶ ἀναστάσεως παραχωρήσομεν δόγματος και διδασκάλους αὐτοὺς ἀναβιώσεως ἀναβιβάσομεθα ὧν οὐ μακρὰν εἶ, οὐχ ὅπως ἀνάστασιν ἀθετῶν, εἰ μὴ και πνεῦμα και πᾶσαν τὴν περὶ θεοῦ νοεράν λειτουργίαν εἰς ἀνυπαρξίαν ἐκβαλλόμενος ὡσπερὲ
- 225 διαφθνούμενος τούτῳ εἰ ἔρημις ὧν αὐτὸς θεραπείας θεὸς ἔχοι θεράποντας ἢ ὅπερ και ἀληθέστατον τῆ ἀναιρέσει τῆς νοερᾶς οὐσιώσεως και τὸ τῆς ψυχῆς ἀθάνατον ἀφαιρούμενος και τὴν εἰς ἀγγέλου τῶν ἁγίων μετὰταξιν τῆς γε ἀθλοῦ τάξεως μὴ ὑφειστηκυίας πρὸς τίνα μεταχωρήσει τὰ τῶν ἐνταῦθα πνεύματα καταρωκότων και τίνα τιμῶν λήψεται μὴ ὄντων ὧν πρὸς τὴν δόξαν ἀφομοιώσεται; εἶτα τοιοῦτος
- 230 ὧν ἐγκώμια γράψεις ὁσίων ἀνδρῶν ὁ τῶν θεοῦ φίλων ἀναιρέτης και ὕβριστής τε και χρευστατής και πᾶν ὅτι και Ἰουδαῖος πρὸς ἀτιμίαν τούτοις ἀμώμενος; Ἀλλὰ προσῆσεται ταῦτα ἢ πλήρης παντός ἀγαθοῦ τῶν πιστῶν ἐκκλησία; ἀλλὰ ἀνέξεται δαιμονομανοῦντος και δαιμονῶντος ἡδὴ λαμπρῶς ὡς σῶμα και τὴν ψυχὴν; ἢ οὐχὶ χρόνος οὕτω μακρὸς, καθ' ὃν ἐπιλήψωας [F. 91] πάθει τὴν ἔνοικον παραδόλου
- 235 σκαϊότητα διαστραφέντος μέντοι τοῦ βλασφημοῦ και μιαιροῦ στόματος; Παρακοπῆ δὲ περιφανεῖ τοῦ ψυχαιοῦ σοι τοῦ ἀθλοῦ παρακεκινημένου οὐ παραδέξεται, οὐκ ἀνέξεται, ὅτι μηδὲ τὰ τοῦ Κἀν δῶρα θεός οὐκ εἰς ταμεῖα βιβλίων ἐναποθεῖ; Ἀλλ' εἰς κόμπον ὀδόντων σαπίρα και δυσωδίᾳ ὄσῃ πλείστη καταπλουτούντων ὁ μιαιρός ἀπολήξει σοι τόκος και μίσθωμα πόρνης, ἀγνός οὐ μερίσεται, ἀλλὰ γε δὴ
- 240 και πρὸς τούτοις ἐπακούσῃ και ταῦτα· τῷ δὲ ἁμαρτωλῷ εἶπεν ὁ θεός, ἵνα τί σὺ ἐκδιηγῆ τὰ δικαίωμάτά μου και ἀναλαμβάνεις τὴν διαθήκην μου διὰ στόματος, ὃς μισῶν θεῖαν παιδείαν και τοὺς ἀπροσίτους σοι λόγους διαστρέφεις περιωμμενος, ἀμείνουν ἂν συνεκέρησας λυσσήσας διαδηλότερον και τὴν ἐνδομυχοῦσαν παρρησιᾶσας κακότητα, ἢπερ σοφός τις εἶναι σκηπτόμενος καταγελάστω, οὕτω τοῖς σωφρονούσιν

¹ ὀρνιδα θύσας cod.

² ἔξειν cod.

ἀπέχεσθαι· καταργήθητι τοίνυν ἀπὸ Χριστοῦ, καὶ ἀπὸ ἀσεβείας ἀπότρεχε, μὴδὲ τὸ ἀναιδέστατόν σου τοῦτο λοιπὸν ἡμῖν γίνου δι' ὄχλου; τὴν δὲ κατὰ σαυτὸν μέτιδι μετὰ τοῦ Τυρίου γέροντος, μετὰ τοῦ δυσσεβοῦς Ἰουλιανοῦ ἐξαφανίζομενος, ὧν θαυμαστὴς τε καὶ ζηλωτὴς τῶν λόγων, ἤδη δὲ καὶ συμμετοχὸς καὶ ὧν καὶ ἐναριθμούμενος εἰς τὴν Ἀχερουσίαν, εἰς τὸν Κωκυτὸν, εἰς τὸν Τάρταρον, εἰς τὸν Ἀχέροντα καὶ Πυριφλεγέθοντα ὄν καὶ τοὺς ἐναμίλλως βιοῦντας ὑμῖν ὁ σοφὸς ὑμῶν Πλάτων ἀπέπεμψεν ταῦτα σπουδάζοντος, ἀλλ' οὐ παίζοντος. Τί γε παίζειν ἔδει, ἐν οἷς τὸ πρὸς θεὸν τοῦ ταῦτα πράγματευσμένου ἀνόσιον μίσος εἰς ἔχθραν αὐτοῦ δικαίαν τοὺς εὐσεβεῖας ὑπαστιστάς προηγάγετο.

 ПЕРЕВОД

ХИРОСФАКТ ИЛИ НЕНАВИСТНИК ЧАРОДЕЙСТВА

Да, да, итак был и этот золотой эпос. Он касался не на случай истины, но на всякие запросы содержал там философские ответы. Ничто из этого эпоса и из этих ужасных дерзновений не на пользу общественной жизни. Как же иначе, о святилище бога, исполнение всякого бесстыдства? Каков это зримый грех? Что за великое безумие и дерзкое упорство? Что за ужасное и роковое деяние, которое заведомо до своего совершения не найдет согласия с верой? Это — керкоп, полный всякого коварства, всякой нечисти, отвергающий христианство, навсегда распростившийся с благочестием. Очень далеко стоит он от храма, чтобы взирать даже на преддверие. Ему недостаточно сотрудничать с доставшимся ему в удел демоном, он живет в самых святилищах, не остановился он и на этом, но сверх того напевает в уши благочестивых при помощи подобных ему свои бездельные выдумки; действительно, не что иное, как это ужаснейшим образом творит он им. В его замыслах пустить в глаза пыль безбожия, по возможности втянуть в учение каких-то гностиков, затем прикрыться благочестием и приписать себе славу благости, чтобы таким образом похитить кого-нибудь из детей в господе и увлечь в свою свинскую грязь; мало того, он станет измышлять несказанную клевету против тех, кто его обесчестил, как бы терпя напрасно, — одно это, конечно, он мастер делать. Что же? И такую заразу не изъять из синедриона, не уничтожили, но оставили жить, чтобы он, ползучий змей, измышлял многих простодушных вводить в искушение, принимал разные образы изворотливыми извивами. О трагическая перипетия! О бессмысленные несчастия! Неужели ни от кого нет помощи? Неужели некому распознавать его? И не осталось у нас Фенея, чтобы он поражал и теперь мадианскую блудницу, чужую по языку, в незаконных детях развращающую господнее войнство? И разгром уже готовится, из сынов Израиля поношение устраняется. И нет ни Павла, ни Силы, который укротил бы божественной силой безумствующую душу Пифонским духом, а детям Христовым доставил бы безопасность? И нет никого другого, ни нового, ни древнего, ни обитающего достойно и чтимо в святилищах бога, чтобы святилища оставались недоступными для профанов и неприкосновенными для дурных глаз и чтобы яд дракона не сочился у них из уст. Но древний закон оберегал нетронутыми для моавитян и аммонитян свои святыни и ограждал доступ к ним до четвертого поколения; и в таком положении было установление, никто ни в чем не нарушал предписаний и не вредил им. Этот же новый закон, и притом пре-

образующий писание согласно с духом, разве допустит так попустительно, так неосмотрительно, так вредно нечестивцев, стоящих вне перирранетриев, пришедших от весла, скажем, от керамической копоти их оргий, и выбросит свиньям и собакам жемчуг учения и догматов. Безумие это ужасное, ни с чем не сравнимое! Скажи же мне ты, строитель и зачинщик этих деяний, как ты, мерзкий и пагубный, ненавистный для всех и отвратительный до того, что и в совете римлян недостойн быть по распутству, да еще и брыжущий слюной из нечестивых уст на дела господина и самого Христа, как ты нагло вторгся в храм его святой и с беспредельной уже дерзостью высказался о том, что разрешается высказывать одним только испытанным в жизни и слове благочестия, облеченным учительским достоинством, ты, запятнавший себя тысячами бесстыдств и сознательным злодейством. Не высказывать, в какое грязное безбожие, чтобы не сказать невежество, ты погрузился: ты отрекся от самого существенного в священном писании и, если тебе угодно, от самого основательного в эллинской образованности. Знают это источающее чистое слово мудрости. И ты не сознаешь того. Как ты ослеплен и побежден безбожием? и нет цветущей хвалы в устах грешника. Не решил ли уж ты заниматься коварной политикой и в божьей церкви? Но пойми: не удастся коварному охота, ты постарался навредить в тех делах: в посольствах к болгарам, в посольствах к сарацинам, потом на вероломном посольстве ты был пойман, больше того, своим подручным ты строил козни, скрывал свой образ действий, на короткое время, казалось, прославлялся, кончил тем, что был разгадан и вместе со всей кладью потерпел крушение. Ведь нужно было возросшего таким образом грешника скосить, как траву, и прежде чем ему быть вырванным, завянуть, как и все подобное, совершаемое чародейством. Ты переменил три тактики одного и того же типа. Прежде чем понимать свой „ключий терновник“, твою, разумеется, вполне выросшую преступность, ты стал уже кичиться, уже хвататься, превозноситься в надменных мыслях. Пал на тебя огонь за твое подсудное и ненавистное богу нечестие, и ты внезапно пострадал от пожигающего солнца. И теперь в скрытом месте ничего ты не совершаешь более достойного, не только в том, что наслаждался возложением непосильного бремени, но и отогнал из гавани в порыве зломыслия тех, от кого ты только что не по заслугам испытал добро; но невозможно безбожным быть откровенными и печаль их навязывать людям, хотя ты исподтишка теперь и действуешь среди некоторых немногих неустойчивых людей; хотя я и не соучастник твой, — ведь все согласное с дружбой того же рода, — если следует, по крайней мере, сказавшему в этом доверяться. Пусть же они вместе с тобой, пожалуй, и музыкальный хор составят, подобные с подобным, с тобой, кому неизвестен ни характер гармонии, ни ее смысл, возникающий по исчислениям и расчетам, требующий величия: природа своей глубиной и мудростью охватывает многообразные учения о звуках, амплитудах, родах и системах, тонах, переходах, и возвышает из этих элементов благоую мелодию лучше, чем под руководством зажившего и свиноподобного человека, и скорее в этом разобьется всякому другому, чем кажущемуся господином рассудка и вообще незнакомому с канонами производить аккорды и наложенным пальцев; но что может делать человек с пагубной душой, нигде не отказывающейся от порожденного глупостью? По моему мнению, это так. Думаю, что он считает очень мудрым по своему честолюбию вносить поправки в сочинения Аристоксена и Тимофея. Но какое тебе дело до этого исправления? Дуй изо всех сил в флейту, если позволит

тебе милая тебе Афина, в чем и над собой она достаточно посмеялась, так как и ей сначала понравилась флейта, при дуновении она надула щеки и сдвинула их к носу, затем, поруганная своим неблагообразным видом — влага у нее на изображениях обнаруживала это настроение — возненавидела флейты и бросает их на землю. После же флейты, ты самый большой вор после Гермеса, приспособив кифару, натяни струны и стянн колки лиры; подними выше магаду, чтобы громче звучала она в своем полом пространстве от сверхъестественного колебания при ударах плектра по струнам, возводи звуки к мелодии согласно приличному канону. Затем разыгрывай в театрах мудрость всеми способами театрального безобразия вместе с мимами и актерами, если тебе угодно сопутствовать детям Диониса и демонам. Нет человека, который бы помещал тому, кто раз демонически отрекся от всевышнего. Ты будешь приносить открыто им в жертву начатки своих истинных литературных трудов, ты будешь совершать вакханалии с фиасами, силенами, сатирами, менадами и вакханками. Возможно тебе угодить этим какому-нибудь из них и Икарию, сев на осла и хвастаясь своей дорогой. Конечно, ты угодишь и какой-нибудь Гекабе своей старостью, сообщившей многим тебе подобным безбожие позорных тайн; как и достойно, ты воспользовался Эридой твоих бесстыдных и весьма невежественных трудов. Иди с ними, сопутствуй им. О дело превеликой лести и мерзейшее! В этом и прославляться вам не завидно и не прославляться не позорно. Но поскольку тебе надлежит дерзать во всем, ты исполнишь волю божественной церкви, ты уйдешь в хаос не иначе, как прежние твои любимцы, исчезнув вместе с твоими свиньями, о твоих поклонниках говорю, один за другим. Поэтому и правильно и прозвище вашего Хирсофакта, так как он соревнуется в подвигах с свиньями и гибнет вместе с ними. Но если это так, постоянно печалит меня эта наглость и преследует днем и ночью, где положить предел дерзости совершенных деяний. И предстонт мне звать: господи, да придут народы в наследие твое, они осквернили извержениями нашедшего на них храм твой святой, превратили его в театр, и тем воспользовалась чернь, чтобы вступить в него. Как же ты не осквернил, как не запятнал? Так ты источал, не краснея, нездоровые речи, так обращался на деле с божественными отцами! Кто же ты? Ианна и Иамвра, восставший против Моисея своим колдовством, но ты живешь, и нильский чародей превратил твою мудрость в призрак. Или ты другой еще Салмоной или латинянин Амулий, пораженные громом, как и те из Вирсы, — мог бы я сказать, — Авирон, Корей и Дафан? Больше того, я подгаваюсь на тех, которые получили от бога священную стратегию и таинство, в том, что они встретятся с тобой и выступят против такого безумца. Какое же это подсудное страдание Озы? Да разве ты избежишь его, нагло пытающийся поддержать скользящий с колесницы кивот божьего завета, так что и клиру таких мужей, которым это возможно, не восстановить. Кто, вопреки надежде, из тех, которые возвещали страх божий, укажет дорогу? О неуместное и нахальное честолюбие! О жалкое деяние для зрения и слуха! Увидали мы и теперь, — а если бы не видать этого! — мерзость запустения в месте святом и уста, плетущие обильную несуразность. Нет закона господнего, несомненно; в пренебрежении священное служение. О самый жалкий из людей и самый дерзкий и самый невежественный! Ты противник по образу мысли тех, с кем ты дерзаешь себя сравнивать. Ты не убоялся слова божественного Григория, который в этом непревосходим, противопоставил ему свой способ мысли и слова, ты проявил себя тем жуком, который выс-

тупил с обвинением против орла, ты ни в чем не философ. О чтоб им никогда не говорить о боге! Или и это к тебе относится: слушать ослу звуки дыры — ни к чему. Разве эти речения не направлены на мужа в особеинсти и на тех, которые не выставили слово как помощника жизни; вместо этого, как зверь, теснимый невежеством, гонимый безрассудством, когда гора покрыта мраком и бурей, ты дерзнул в неведении безбожными речами коснуться посылающего по вершине божественный огонь; хотя ты потешаешься безбожием и безверием, быть тебе пораженным тяжелыми камнями, говорю о речах, и копьями, быть по заслугам засыпанным издали поношениями, как стрелами. Так да уйдешь ты из святых мест, пристыженный проказой Осни! Если не всякому богословствовать, то христианам во всяком случае, а уж никак не эллинам, но не тебе, конечно, безбожнику и алястору: не дано богословствовать демонам, но терпеть наказание и молчать не иначе, как и вам теперь. Как же ты будешь богословствовать? Не вспомнишь ли ты комедию для тебя во всем авторитетных эллинов? Безупречно ли занимался богословием тот, кто от рождения отучился и отказался от веры, переучился на эллинский лад, дивится всему эллинскому, если и теперь он выплясывает с поразительной и ловкой быстротой и легкостью? И где, впрочем, тебе, дурень, богословствовать, когда ты ненавистен богу и невразумительно издеваешься над верой своим эллинством? Но так или иначе, ты обречен быть пораженным громом, ты не меньше поруган своим сумасшествием, чем беспорочною, и ненавидим, испытав на себе иным образом басню о коршунах. Но, чтобы мы высказались с точностью, мы высказались о твоём тайном учении и по прежним ничтожным суждениям. Не богословствуй — ведь невозможно, чтобы миро текло по грязи, — не чтут божественных служителей эти современные нам болтуны. Кого тебе и чтить? Ты неустанно и ненасытно — и столько дней — обвинял владыку и господу Иисуса, сына божьего и бога. Много в этом у меня будет свидетелей, ревностных служителей бога, которые уже обличили безбожие, не меньше это относится и к вашему сыну, за это и дал ты ему многополезную плату и пытался навредить ему и вовлечь в ваше наследство, если предстоит понести наказание безбожного и проклятого жребия даже и не участнику — и разве закваска не квасит всего теста? Итак, не считаются с твоим замыслом? Позорно и вполне бессмысленно трудом жуков соперничать с благоухающими миром, поэтому слуги высшего и спутники не будут служить ни бесчестным, ни самим грехам, происходящим от Юлиана, и не пожнут добровольно пыли, ради поругания не пренебрегут похвалой, жвня ей и добыв ее, они могли бы встретиться с другим негодным Фаларидом или даже фракийцем Диомедом, чтобы обнаружилось, как забава, деяние, подобное деянию тех, которые в настоящее время проявили дикую свирепость. Какой же это плохой умысел? Ты принял нечестивыми руками царские дары и расхитил их, больше того, растащил и развеял прекрасные речения отцов и других писателей, и все это пространно и необоснованно показывает он своим сторонникам и убеждает, что это не чужие, а его собственные плоды трудов. А их одолевает великая тупость, что впрочем тебе и нужно, чтобы они не разбирались в награбленном и не открыли ваши тонкие измышления, понятные одним трезвым. Они не различают даже тени от пифоса. Они идут и стремятся, куда влечет их давящий их злой дух, и не одни только они, но и те, которые отчаялись в собственном спасении из-за своей пагубы, увлекаются в путь по твоей дороге, поскольку ты устроил такое вот безбожное братство. Он верит

и надеется в совершение и необходимость этого первого и главного дела, — опасное и гибельное замышляется у вас плавание, — и в необходимости второго, ничем не худшего, чем первое — лукавства. Сказано, что ты плетешь хулу на правителей и принуждаешь этих к безбрачию, а их архонтов к бесчувствию, издеваясь таким образом над эклогой для того, чтобы им оттолкнуть такого мужа, принудить его оставить государственную деятельность; но еще и кое-что другое, не только это, не лучше этого: они верят благоразумию и благочестию, они хотят оправдать и мужа — язву, мужа, шутовством затемнившего некогда прославляемых, лишенного политической деятельности, хотя он в ней и вкусил прежде хороший урожай, но был снят, как плод, на этой своей оплеванной деятельности. И разве теперь с одними близкими вам он держит связь, ощущивая руками поверженных громом гностиков, приветствует приятной улыбкой, стоваривается, проявляя со всякой горячностью и другие признаки лести? Если ты и связался с глупцами и установил с ними дружбу, ты дал основание к ненависти мужественным и благородным, чувствующим отвращение к непомерности деяния. Это высказано, не знаю достаточно ли. А главное в том, что подлый происходит у тебя панкратий; вы издеваетесь над трудом чтимых отцов и обнаруживаете самих себя, не проявляя ни чтимой жизни, ни строгости речей, но при подобных вам проводите жизнь, достойную осмеяния. Прочее уничтожило время, теперь же остается у них только пресловутая литература, чего не извергнул бы сам отец лжи, если бы не заимствовал у тебя язык. Таково твое коварство в отношении творений отцов. Это козни твоего злодейского замысла и ребячество против них. А что у тебя вообще речи безрассудны, это всем совершенно ясно. Что такое твои литературные, как ты о них думаешь, труды? Разве только то, что, согласно с Демадом, у вас притязание на превосходящее меру. Исполнена церковь божия твоим истолкованием поста, если бы только ты достаточно придерживался его, но, когда уже Василий возвестил и делом и словом и призвал к этому вскормленных благочестием, кто станет придерживаться Хиросфакта, проповедующего пост: он в прочих делах был распущен, а притом в великую и божественную субботу распутствовал ночью до петухов; насладившись всласть, дождавшись утра предавался пиру и вкушал вдоволь мясное; немного поспав, затем встав, с оскверненными руками и устами вступал в синклит и принимал участие вечером в трапезе божественного Христа, он, сообщивший накануне с трапезой и чашей демонов. О бесподобное божье терпение! О через край льющееся безумие преступника! Справедливо ли ему быть истолкователем постов, святынь, воздержания? И не погибнуть ему от землетрясения, от меча, от потопления? Если только правду говорит повествовавший об этом наш сын, ио, если не так, то не Хиросфакту возвещать о воздержании! Кто-нибудь последует за истолкованием веры, когда о ней возвещает справедливый и в чем сам он потрудился и достиг успеха и не отрекся от прочих. Но насладиться изложением догмата троичности у эпикурейца триадомаха и у человека, исполненного демонов, богословствующего о Троице! Не почтеннее ли воспользоваться словом Григория, что другого прежде всего очищает нечестивый, Григория которому с трудом доступно это сверхъестественное и едва ли не превосходящее человеческую способность. Ты будешь гордиться рассуждением об экономии слова? Но Иоанн Златоуст, загремев как бы небесным громом вместе с божественным Афанасием, воспрепятствует, сказав живое слово о грязи меди. Но так как слух верных не променяет золота

на медь, как не отпрянет, не приняв горького слуха в новом словесном питье? Как хорошо сделали одержимые божественным духом и боголюбиво убежали еще при начале вашей болтовни. Или так и уступим мы садукеям в догмате о воскресении и возведем на трибуни учителей анабиоза? От них ты не далек. Как же ты не отвергаешь воскресения, если своими высказываниями упраздняешь и дух и мысленное служение при боге, как бы по зависти: если сам бог лишен служения и не имеет слуг; сказать правильнее, вследствие уничтожения мысленной сущности ты уничтожаешь и бессмертные души и превращение святых в ангелов; раз не существует бесплотного воинства, чего достигает возвышение сюда духов и кто получит почести, когда нет славы, к которой им приобщиться. И ты, такой человек, будешь писать энкомиии святым мужам, ты, губитель друзей божьих, наглец, пересмешник, и во всем, как иудей, пожинаящий поношение? Но допустит ли это церковь, полная всякого блага верных, потерпит ли она безумствующего в демоне и явно уже одержимого демоном по телу и душе? Не близко разве то время, когда она не примет и не потерпит искаженные в эпилептическом припадке, явные природные извращения, разумею, хульные и мерзкие уста и твою низкую душонку, совращенную очевидным сумасшествием: ведь дары Каина бог не положит в сокровищницу библии; но в скрежете зубов, обильных величайшей гниостью и зловонием, закончит у тебя твой отвратительный приплод и плата блудницы; чистый не будет участником, но по этой связи выслушай и следующее: грешнику сказал бог: почему ты рассказываешь о суде моем и говоришь о завете моем; ненавидя божественное воспитание и пытаясь ниспровергать недоступные тебе слова, ты, встретясь с лучшим, явно взбесился и открыл свое внутреннее злодейство, как кто-нибудь забавно старающийся быть мудрым сторонится от благоразумных. Итак, не трогай Христа, беги от безбожия, пусть вообще не будет у нас этого твоего бесстыдства; по своему учению исчезни вместе с Тирским старцем, вместе с безбожным Юлианом, будучи поклонником и ревнителем их литературных трудов. Ты присоединен и причтен к тем, которые живут, как вы, и которых ваш мудрец Платон послал в Ахерусию, в Коцит, в Тартар, в Ахеронт, в Пирифлегетон, высказав в этом месте глубокую мысль, а не шутку. Как шутить там, где нечестивая ненависть к богу пробудила законную вражду защитников благочестия?

ПРИМЕЧАНИЯ

В сочинении *Χειροσφάκτης* встречаются многочисленные термины из бытовой и сакральной жизни древних:

τέμενος (ср. *templum*) — надел, посвященный божеству, в котором оно, по представлению древних, обитает; храм божества.

Περύραυτήριον — сосуд с очистительной водой в преддверии храма.

ἀλάστορ — дух наследственной мести.

παγκράτιον — совокупность гимнастических состязаний.

πάλη — метание дисков, копий и т. д. и *πυγμή* — кулачный бой.

μαχάς — станок, на котором натянуты струны кифары; *μαχάς*, как *pars pro toto*, = *μαχαδῖς* — струнный инструмент.

В сочинении *Χειροσφάκτης* приводятся не раз греческие пословицы, причем не все они зарегистрированы в „*Paroemiographi graeci*“: *ἀπὸ τῆς χαψῆς, ἀπὸ τῆς κεραικῆς ἀσβόλου* (f. 87^v); *ὄψι λύρας* (f. 89); *κόνιν ἀμάσθαι*

(f. 89); πύθου σιάν (f. 89^v). Сюда же относятся: 1) ссылки на басни: ἀετῶ ἀνδραρος τῆ ἐπισκῆψει (f. 89); τῶν ἰκτίνων μῦθος (f. 89^v); ср. Aesopicae fabulae, 170 (ed. K. Halm); 2) выражения гуманистического характера: πιστὸν γὰρ πᾶν εἰς φιλίαν τὸ ὁμοίотροπον (f. 88); размер восстаиваем: πιστὸν γὰρ πᾶν φιλίᾳ ὁμοίотροπον.

F. 87 χρυσοῦν ἔπος — χρυσᾶ ἔπη — пифагорейское стихотворение; этим названием, как кажется, Арефа обозначил χιλιόστιχος θεολογία Хиросфакта; написано между 856—866 гг. и сохранено в „Cod. Baross.“, 76.

F. 87 Λῆρος — как медицинский термин, „душевная болезнь“. Этим словом Арефа определяет также учение Юлиана и суждения Лукиана; πρὸς βόρβορον ἐπισπάσασθαι, ср. ἐν βορβόρῳ κείσθαι — участь не получивших посвящения в элевзинские мистерии.

F. 87 τοῖς ἠτιμωκοῖσιν ὑφαίνων ἀμύθητον μέμψιν — ср. письмо Хиросфакта № 20 у Sakkellion в Δελτίον I, pp. 400—405.

F. 87v φινεές, ἵνα ἐκκεντῆται μαδιῶντις μαχλάς Phil. leg., 2, 86; Gen., 37, 28. Παῦλος — Σίλας ср. Act. apost., 16, 16.

Моавитяне и Аммонитяне Gen., 19, 37—38; Deut., 2, 11.

F. 88 οὐκ ἐπιτεύξεταί δόλιος θήρας о посольствах, вместе и о „ложном посольстве“, см. письмо Хиросфакта № 18, Δελτίον I, pp. 396—398.

⁸⁸ Προχειρισίον ἐπιβουλή — о спутниках Хиросфакта в последнем посольстве в письме № 20, Δελτίον I, p. 400—405.

F. 88 ἐν παραβύστῳ — разумеется, вероятно, Петра, место ссылки Хиросфакта.

F. 88 μουσικός χορός — см. Const. Rhod. стихотворение против Хиросфакта в Anecdota Matrangas's.

F. 88 κατορθοῦν ἐν τοῖς Ἀριστοξένου καὶ Τιμοθέου — выясняется значение Хиросфакта в истории традиции текста этих двух теоретиков античной музыки.

F. 88 φίλη σοι Ἀθηνᾶ — Арефа имеет в виду работу Мирона: „Афина и Марсий“, см. A. Springer-Michaelis, Handb. d. Kunstgeschichte, I, 1895—96 и Б. В. Фармаковский, „Художественный идеал демократических Афин“, П., изд. „Огни“, 1918, стр. 76—80.

F. 88v Ἰκάριος — мифологический герой, распространивший культуру винограда и культ Диониса в Аттике.

F. 88v Ἐκάβη — жена Приама, образ человеческих страданий, смешением ее с Ἐκάτῃ объясняются упоминания о ней в сочинении „Хиросфакт“.

F. 88v θελεσθέντων τὴν ὕβριν — ср. Эсхил Агам., 764 и элегия Solon, f. 8.

F. 88v Ὁ θεός ἤλθοσαν — Vet. Testam., Ps. 78, 1.

F. 89 Ἰαννῆς, Ἰαμβρῆς, Νειλῶς φαρμακός — Vet. Testam. Exod., 7, 11; Novum Testam., 2 Tim. 3, 8.

F. 89 Σαλμωνεύς брат Сизифа, см. Suid. v. Εὐτρόπιος и χρῆμα, также Od., II, 336; Pind. Pyth., 4, 254.

F. 89 Κορέ, Δαδάν. Ἀβειρώμ. — см. Suid; Κορέ, см. N. T. Jud., 11.

F. 89 Ὀζᾶς — о его преступлении см. Suid. v. Ὀζᾶς и Ios., 7, 47.

F. 89 τί δὴ θεολογήσεος — кроме χιλιόστιχος θεολογία (Cod. Baross., 76), Хиросфакту принадлежали обширные сколии на Ветхий Завет и Новый Завет (Экспедиция издал Mai Nova Patr. bibl. 6, p. f. 541 = Migne, Patrol. Gr., 106, p. 1020), тождественные, очевидно с Ἐπιτομὴ ἐρμηνείας (Cod. Laur., Pl. IX, cod. 23 Vindob).

F. 89v Φάλαρις — агригентский тиран (565—549), имя его сделалось позорным.

Р. 89^v εἰς ὠμότητα προβάσι τὰ τούτοις ἐπενεχθέντα παραβαλλόμενα — при этих словах заметка на полях рукописи: ὡς καὶ παιδιὰν ἀποφανθῆναι τὰ τούτοις ἐπενεχθέντα τοῖς νῦν εἰς ὠμότητα προβάσι παραβαλλόμενα.

Р. 90 ἐκλογὴν — разумеется Эклога Льва VI о запрещении четвертого брака.

Р. 90 κατὰ Δημάδην — Арефа приводит изречение из оратора Демада (год смерти 318 до и. э.). Сочинений Демада не знали уже ни Цицерон, ни Квинтилиан; см.: F. Blass. Die attische Beredsamkeit, III, 2. Leipzig, 1887, pp. 236—247.

Р. 90 τῷ μεγάλῳ καὶ θείῳ σαββάτῳ — о дворцовых церемониях в этот день см.: Const. De cerimoniae aulae byzant., I, гл. 35, ὅσα δὲ παραφυλάττειν τῷ ἁγίῳ καὶ μεγάλῳ σαββάτῳ.

Р. 90^v τοῦ λόγου οἰκονομία — о воплощении Христа, ἐγκώμια γράψεις нам до сих пор неизвестны энкомии Хирсфакта.

Р. 91 ἀνόσιον μῖσος — на полях: τοῦ τέλειον μῖσος ἐμίσειον αὐτούς, εἰς ἐχθροὺς ἐγένοντό μοι, παρωδία τοῦτο.